

Александр
Иванов

Сборник
рассказов

ПО ДОРОГЕ
В САМАРРУ

16+

Александр Иванов
По дороге в Самарру.
Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34347146

SelfPub; 2018

Аннотация

Жизненные сюжеты. Размышления о важнейших личностных ценностях, внутренней гармонии, многомерности человеческого естества, любви и близости, сочувствии и внутреннем достоинстве, самоиронии и неожиданных поворотах судьбы, а также о других моментах, которые неизменно волнуют душу читателя.

По дороге в Самарру
Сборник повестей и рассказов

Счастлива ли я, мамочка?

Рассказ

– Лена! Леночка!! Как ты меня слышишь? Я тебя вижу и слышу хорошо.

Священный час общения с мамой наступал в одно и то же время, каждый четверг, в независимости от складывающихся обстоятельств. Этот час Елена освобождала от всех дел заблаговременно. Всякий раз, слыша голос матери, она словно выныривала из глубоких вод своего нынешнего существования и в мыслях возвращалась на далёкую родину. Этот голос, магическим образом перемещал её за тысячи километров домой, пробуждая знакомые с детства ощущения.

Вот и сейчас, удобно расположившись в гамаке и вооружившись планшетом, Елена настраивала свой скайп.

– Да, мамуль. Привет! Слышу сносно. Картинка тормозит немного. Как вы там? Как там дела у Сергея? Как мои племянницы? Надька-то пересдала экзамен?

“Мокрый” сезон ещё не закончился. В конце этого августа дожди шли ежедневно. С террасы, арендуемого ими, небольшого домика были хорошо видны изумрудные холмы, начинающиеся сразу за восточными окраинами Бангалора. Не смотря на доносящуюся с улицы кокофонию звуков огром-

ного города, голос матери был привычно отчётлив.

– Да всё вроде бы хорошо. Надюшка экзамен пересдала. Сергей на другую работу перешел: платят больше. Мне пенсию прибавили. Ты лучше о себе расскажи. Не надоело ли тебе там? Ведь жара там у вас несусветная! У нас вот в этом году грибов уродилось невпроворот! Сегодня дождик был.

С Дагласом они встретились в Северном Гоа пять лет назад. Как-то неожиданно оба угадали друг в друге что-то недостающее каждому в эту пору их жизни. Этот коренастый, не очень разговорчивый шотландец был старше её почти на десять лет. Английский её желал быть лучше. Но это не мешало им, взявшись за руки, бродить по пляжам Арамболя, любуясь завораживающими малиновыми закатами.

На тот момент Елена уже пять лет как рассталась со своим бывшим, и эту зиму активно бездельничала на Гоа, оставив опостылевшие риэлтерские дела в Москве. Даглас же три года как овдовел. Он дорабатывал последний год по контракту в одной из горно-добывающих компаний с офисом в Бангалоре. В Арамболь тогда он вырвался на выходные.

Расположившись в гамаке, Елена привычно прислушивалась к звукам, доносящимся из зарослей окружавшей их домик растительности: вторую неделю макаки не давали ей покоя. Сначала, пробравшись на крышу, они стали раскачиваться на телевизионной антенне, в конце концов, отломав её. Ей пришлось сгонять их, вооружившись рукоятью от швабры. Теперь же она держала второй рубеж обороны: они

пытались отломать крышку, установленного на крыше, пластикового бака для воды. Особенно дерзок был их предводитель – крупный самец.

– Да всё нормально мам, я уже привыкла!

А в прошлом месяце откуда-то налетели мелкие птицы, пытаясь свить свои гнёзда на отливах подоконников или прилепить их к оконным рамам. Эти настырные птахи обгадили весь кондиционер. Они бились в окна, залетали в форточки, галдели, доказывая своё право поселиться именно здесь. Насилу отбилась!

Она была лишена снега, и иногда скучала по нему. Это было правдой. Снег даже снился ей время от времени. После таких снов Елена немного грустила.

– Мамочка, а твоё-то здоровье как? То лекарство от давления, что я высылала прошлый раз помогло?

Матери шел уже семьдесят второй. В московском климате её порой донимала гипертония. Но вот индийские лекарства неожиданно мягко помогли всё нормализовать.

С той встречи в Арамболе, они с Даком уже не расставались. Пять лет. Пять лет ни о чём не задумываясь. Или чувствуя всё сразу?

А в прошлом году они побывали у него на родине, в небольшом городке под Глазго. Английский, конечно, она подтянула, но в общении с его друзьями и родственниками он по-прежнему был её переводчиком и проводником. Чопорные чаепития, испытующие взгляды. В Индии Елена чув-

ствовала себя лучше. Даглас больше молчал.

На том и порешили: пока есть возможность будут жить в Индии. Там и дешевле выходило. Её стряпню он тоже любил. Особенно борщ. Единственным недостатком Дагласа, с которым ей приходилось иронично мириться, было нежелание усваивать другие языки. Из русского Даглас сумел запомнить всего пять слов. Не говоря уже о местных наречиях. Какой пустяк!

Подошел Петя и улёгся подле гамака, положив свою узкую умную морду на лапы. Этот, тёмного окраса, поджарый пес, откуда-то появившийся на второй день после их вселения в коттедж, не откликался больше ни на какую другую кличку. Он вел себя скромно. Почти деликатно. У него была своя миска, но пищу, которую ему давали с рук, он брал бережно и благодарно. И его не нужно было воспитывать и выгуливать по утрам!!! В московской жизни это было трудно представить. А здесь всё было естественно. Он куда-то исчезал время от времени, но всегда появлялся утром к завтраку. Обезьяны его побаивались.

Во влажном воздухе их дворика явственно ощущался густой аромат цветущей магнолии. Невидимые в густых пальмовых кронах, разноголосые птицы вели свои нескончаемые переговоры. А после дождя зелень растений казалась особенно сочной.

Проводив Дагласа на работу, Елена обычно уходила на рынок за покупками, тщательно закрывая все окна и двери.

Проходя по торговым рядам, она окуналась в бесконечное разнообразие цветов, ароматов и звуков. К этому не хотелось привыкать. Этим хотелось наслаждаться каждый день. Она даже выучилась нескольким словам на местном каннадинском диалекте и, к удивлению местных торговцев, пользовалась этим. Понемногу научилась разбираться в местных специях и применять их. Освоила, правда на другом градусе остроты, и некоторые рецепты местной кухни.

Даглас возвращался с работы после шести. Поужинав, они в сопровождение пса, обычно, гуляли в огромном тенистом парке, расположенном по соседству или принимали кого-нибудь из знакомых на террасе своего домика. Сослуживцам Дака нравилось бывать у них.

Когда выпадали длинные свободные дни они уезжали из города, чтобы лучше рассмотреть эту невероятную и удивительную страну. Это впечатление не мог испортить ни разбросанный повсеместно мусор, ни гуляющие повсюду коровы. Как в шутку говорил Даглас, глядя на происходящее, коровы всего мира наверняка верят, что после смерти попадают в Индию.

Так и текло её нынешнее время. Будто её, словно маленькую девочку, вели куда-то за руку. И ей было хорошо. Елене шел пятьдесят первый год. А этих лет она и не ощущала рядом со своим мужчиной. Как-то незаметно она стала называть его про себя только так. С ним её тело было молодым. С этим мужчиной ей было покойно.

– Да, слава богу! Спасибо тебе доченька. Но ты так и не ответила на мой вопрос. Не надоело ли тебе там, среди бусурман, в жаре тамошней? Беспокоимся мы все. Грязно там у них. Счастлива ли ты доченька?

А вчера вечером её мужчина сделал ей предложение руки и сердца. Даглас, загадочно сверкнув через стёкла очков напряженным взглядом, неловко встал перед ней на правое колено и протянул букет местных цветов. В другой руке он держал открытую коробочку с обручальным кольцом.

Бася английскими фразами, он долго говорил что-то, глядя ей в глаза. На слова он был скуп.

Счастлива ли я, мамочка?!

А ведь у меня ещё есть собака, которую не нужно выгуливать!

05.12.2015.

Старуха

Рассказ

Леночка (Елена Ивановна Витейкина) вселилась в эту однокомнатную квартиру несколько недель назад. После смерти матери им с братом удалось разменять их бывшую трёшку с проходной гостиной на две полноценных однушки в спальных районах Москвы. Ей досталось Марьино. С братом они виделись нечасто. После окончания института её жизнь протекала незаметно и тихо.

В свои тридцать лет Леночка была ещё не замужем. Нет, безусловно, с девичеством она успешно распрощалась ещё в

студенческие годы; романтическая поездка за город, костёр, писк комаров, сухое вино, песни под гитару в компании друзей и однокашников – всё так, как было принято в их среде. Роман, высокий парень из параллельной группы, которому она давно симпатизировала, оказался с ними.

Прошло девять лет, но этот, впоследствии куда-то исчезнувший, “негодяй” до сих пор отчего-то периодически снился ей. В этих снах она всегда бросала ему в лицо что-то резкое и обидное.

Но, как бы то ни было, до сегодняшнего времени настоящих женихов так и не нашлось. Все её коллеги женского пола были обладателями мужской половинки, а иногда даже более. И у неё тоже был Валера. Он как-то незаметно появился в её жизни пару лет назад.

Валера жил с мамой, и это обуславливало чрезвычайную сложность организации их редких свиданий. Он иногда дарил ей гвоздики. Зимой он заворачивал их в газету, которую часто забывал снять перед тем как вручить букетик. Леночке казалось, что наличие газеты отчего-то явно обесценивало факт вручения цветов. Он был очень аккуратен, хотя и слегка забывчив. Истончёнными чертами лица Валера чем-то напоминал ей актёра Т в молодости. Презервативы он приносил с собой.

Закончив пединститут и отработав четыре года в учителем в средней школе № 131, Леночка получила долгожданное и, давно обещанное подругой покойной матери, место в

РайОНО. Эта работа, в отличие от поприща школьного учителя, не требовала постоянного нервного напряжения.

О своем пребывании в том среднеобразовательном учебном заведении она старалась не вспоминать. Эти воспоминания неизбежно вызывали ощущения неосознанной тревоги, которая, как ей казалось, была сродни ощущениям подраненного голубя гоняемого дворовыми мальчишками подле дома; однажды в детстве ей довелось наблюдать эту немилосердную забаву. Тогда ребяческое восприятие запечатлело и отложило в потайной карман её подсознания тревожное чувство, непонятным образом охватившее её, когда Леночка представила себя на месте этой птицы.

Отца она помнила плохо. Он неизменно вспоминался ей в виде некой иконы; мягким, безмолвным и словно бы бестелесным образом на фоне семейного порядка и дисциплины. Леночка признавалась себе, что не смогла бы узнать его, встретиться он ей сейчас на улице. В их семье мать была центром фамильной композиции, задним планом которой служил слоган правильного образа жизни; нет алкоголю, табаку и жирной пище!

Так же, молча, отец исчез из их жизни, бесшумно переселившись в другую семью в Ленинград. Её мать была властной женщиной и тяжело переживала личную драму. Присвоенному ею себе самой статусу был нанесен жестокий удар. Поначалу, в сердцах, она даже рвала приходившие по почте извещения о переводе алиментов. Но понемногу жизнь взя-

ла своё.

С Валерой Леночка иногда ходила в кино или театр. Такие выходы он планировал тщательно и загодя; бюджет банковского клерка не мог выдержать премьерных расценок московских театров. Валера не обременял мыслей Леночки. Она вспоминала о нём только тогда, когда он напоминал о себе сам. Он всегда предварительно звонил по телефону.

Лестничную площадку на третьем этаже её нового жилища Лена делила с тремя соседями. С ними она была уже поверхностно знакома. Через дверной глазок ей удавалось дополнительно наблюдать за их повадками и кругом общения.

Справа от её двери обитала пожилая неприметная пара. Иван Сергеевич и Мария Петровна. Держались они нейтрально и были немногословны. Мужчина в будние дни рано утром уезжал на работу. В выходные супруги на своих “жигулях” отбывали на дачу.

Следующую квартиру снимала молодая семья приезжих строителей из Молдавии. Саша и Марьяна. Они работали в паре, и увидеть их можно было нечасто.

А квартиру напротив занимала эффектная старуха Роза Илларионовна. Она часто сидела на скамейке в сквере напротив их дома, дымя папирсой. Одета она была всегда, как теперь принято говорить, винтажнo; добротные, хорошо сохранившиеся вещи, бывшие в моде в конце шестидесятых годов, убедительно выделяли её из сонма московских обывателей их квартала. Кипенно-белый кружевной воротник

всегда облегал её сморщенную шею. Атласная лента непременно украшала её причёску. Таких старух Леночка раньше встречала только в театральном фойе.

Роза Илларионовна разговаривала громко, держала спину прямо, а голову высоко. Леночке довелось слышать, как её соседка отчитывала Марьяну и Сашу за беспорядок под почтовыми ящиками. Первое время, проходя мимо и здороваясь с ней, Леночка всякий раз явственно ощущала на своей спине её взгляд, отчего немного терялась.

В этом году апрель выдался теплым. Похоже, что сирень должна была распуститься ещё до майских праздников. До них оставалось пару недель. Пригревающее солнышко выманивало в окрестные скверы и парки не только мамаш с детьми, но также молодёжь и даже местных бомжей. Старуха тоже выходила погулять вместе с котом, которого отпускала на газон, но придерживала на поводке. Этот крупный рыжий кот имел совершенно разбойничий вид.

Пару раз Леночка в дверной глазок наблюдала, как к соседке напротив приходил рослый молодой мужчина в косухе. Правда его она видела только со спины. Роза Илларионовна всегда встречала его радостными возгласами. Причём из открытой двери Леночка слышала громкую музыку. Ей даже померещилось, что это были хиты Сукачёва.

Казалось, что соседи по лестничной клетке держатся с Розой Илларионовной осторожно и сухо. В общем, эта старуха оставалась пока непонятной личностью, и Леночке отчего-то

ужасно хотелось познакомиться с ней поближе. Но тут нужна была какая-то комбинация, наподобие шахматной. Здороваясь в очередной раз, решила:

– Здравствуйте Роза Илларионовна! Как ваше здоровье?

– Да ничего, милая. Слава богу!

– А заходите ко мне на чай! Я приглашаю. У меня и тортик припасён! Поболтаем! А?

– Ну, как Вы выразились, болтать мне недосуг, но всё равно приму предложение. Через пол часика устроит?

– Жду!

Ровно через тридцать минут раздался звук дверного звонка. С собой Роза Илларионовна принесла чудесное овсяное печенье собственной выпечки.

Так и началось. Здоровались они уже по-свойски. А через неделю шахматная комбинация продолжилась с ожидаемым результатом: старуха пригласила Лену к себе.

Роза Илларионовна занимала типовую двушку. Как и ожидала Елена, квартира была обставлена, когда-то, наверное, дорогой, тяжелой мебелью. Мебель была старой. Кое-где обивка была протёрта почти до дыр. В квартире было чисто, но пенсионный бюджет хозяйки угадывался безошибочно. Елена ожидала, что почувствует, так часто сопровождающий быт одиноких пожилых людей, запах тлена. Но его не было.

А вот застоявшийся табачный дух здесь ощущался, как в любом жилище, в котором хозяева курят. На резном столике в гостиной обнаружилась пачка папирос “Герцеговина Флор”

и стояла пепельница.

– Присаживайся, милочка. Пригласила Роза Илларионовна и, опираясь на трость, пошла на кухню.

– А я Вам помогу стол приготовить. Я ведь не совсем гость – я ещё и соседка!

– Не буду возражать. Уж подсоби!

Леночка украдкой оглядывалась по сторонам; кухонная мебель была совсем обшарпанной, обои тоже давно требовали замены. Через буфетное стекло она увидела початую бутылку коньяка.

Пока закипал чайник, они достали печенье, нарезали принесённый Леной торт и сервировали столик в гостиной. На фоне кухонной убогости, остатки чайного сервиза, которые откуда-то достала Роза Илларионовна, поразили Леночку своим нездешним изяществом; солнечные лучи свободно пробивались через тонкие стенки чайных чашек. Заметив тень лёгкого удивления на её лице, хозяйка произнесла:

– Настоящий китайский... Сейчас таких не купишь.

Когда они расположились за столиком в гостиной, появился тот самый рыжий кот. Он молча подошел к Леночке и запрыгнул к ней на колени.

– Батюшки мои! Вскинула руки хозяйка. – За всю жизнь этот старый разбойник только к моему Василию сам на колени и запрыгивал. Да ещё к внучку бывает, когда тот ко мне заглядывает.

Поглаживая кота, Леночка, не поднимая глаз, почувство-

вала, как Роза Илларионовна пристально посмотрела на неё, словно что-то выискивая на её лице.

Они долго и неторопливо пили чай. Леночка видела на стенах множество черно-белых фотографий и дагерротипов помещённых в узорные, классические рамки. Памятуя, что теперь её ход в затейной “шахматной партии”, она вкратце пересказала сюжет своей жизни, почти ничего не утаив. Пропустила только про Валеру.

Хозяйке шел девятый десяток. Кроме внука родни не осталось. Единственный сын с невесткой давно умерли, подцепив какую-то заразу в Африке; они были врачами – эпидемиологами. Муж, её Василий, скончался девять лет назад. Внук жил отдельно и заезжал пару раз в месяц. Ответные ходы хозяйки были осторожными. Расспрашивать сама Леночка пока что не решалась.

Хозяйка закурила, лихо заломив папиросину.

– Отчего не замужем? Вроде руки-ноги на месте. Да и всё остальное, как я погляжу. Вдруг спросила Роза Илларионовна.

– Да как-то не сложилось. Но я пока и не стремлюсь. Смутилась Леночка.

– Ну, ты мне-то не “заливай”, милочка! Любая женщина замуж хочет! Ты вроде девка видная. Откормить, да приодеть тебя поярче... Торопись, короток бабий век! И гони от себя всяких-разных, которые по касательной. Настоящие мужики-то ещё не перевелись!

Не ожидавшая такого поворота беседы, Лена не нашлась что ответить.

– А курить бросить Вы не пробовали Роза Илларионовна? Вредно ведь очень!

– Жить вредно, душа моя! Эту привычку я ещё девчонкой в войну приобрела. И сейчас ограничивать себя не собираюсь, хоть и дорог нынче табачок-то! Вася мой тоже посмолить любил.

Неделю спустя, возвращаясь с работы, Леночка заметила знакомую фигуру Розы Илларионовны в скверике, подле их дома и решила подойти поздороваться и посидеть на уютной парковой скамейке. Соседка была со своим котом, сидевшим на траве рядом.

Направившись к ним, Леночка увидела подбежавшую крупную собаку, которая с рычанием попыталась подступиться к коту. Неожиданно Роза Илларионовна встала и с, поразившей Леночку, решительной проворностью замахнулась на пса, отскочившего при виде её занесенной трости. Это был жест!

– Здравствуйте Роза Илларионовна! Всё воюете?

– Здравствуй милочка! Да вот – с усмешкой отвечала старуха – до сих пор приходится защищать своих!

– А не боязно Вам? Кто её знает, что у этой собаки на уме?

– А волков бояться – друзей потерять! Собаки и страх и превосходство прекрасно чувствуют. Особенно вот такие дворняги.

Солнце ещё пригревало. Предзакатные лучи, проникали через ветви деревьев, оторачивая предметы нежной золотой каймой. Уходить Леночке не хотелось. Хотелось вот так сидеть рядом, подставив лицо этим греющим лучам.

Ночью Леночке приснился сон. Роза Илларионовна сидела в своём кресле и, молча, смотрела на неё через очки в тонкой золотой оправе. И только сейчас, во сне Леночке показалось, что она разглядела в её облике что-то значительное, то, чего никак не могла предположить увидеть в человеке её возраста. С таким же удивлением в Турции она однажды увидела обломки античных колонн на дне прозрачного водоёма, вдруг осознав, что древние народы это не картинки в учебниках, а живые люди, обитавшие до неё на поверхности земли в этом самом месте. Во сне старуха протягивала ей красную атласную ленту.

Сны ей снились редко, и потому весь день она провела под его впечатлением. А вечером позвонил Валера. Разговор не вязался. После общения со своей соседкой, Леночка отчего-то вдруг почувствовала всю пресность их отношений со своим “бойфрендом”. А ведь действительно, всё общение было ровным, словно однотонное ковровое покрытие на полу её спальни; никаких красивых узоров, на которые можно было бы любоваться по прошествии времени, не просматривалось. Встречаться она не захотела и отказалась под каким-то предлогом.

Наступали майские праздники. Стояла совсем летняя по-

года. Площади и скверы столицы заполнялись предпраздничной суетой. В очередной раз Роза Илларионовна пригласила Леночку к себе накануне Первомая.

Хозяйка тонкими ломтиками нарезала лимон. Распечатала припасённую плитку шоколаду и достала из буфета початую бутылку коньяка. Коньяк был пятизвёздочным, дагестанского разлива. Откуда-то появились серебряные, маленькие рюмочки с чеканным рисунком.

– Откуда острые ножи, Роза Илларионовна?

– А всё внучок мой Ромка. Заскакивает иногда. С ним и выпить бывает нескучно. Беспутый! Разбежался вот со “своей”. Но люблю его. Грозится "прыжок с парашютом" (забава молодёжная) мне на день рождения презентовать!

Ну что, милая, пойдём в гостиную, выпьем по маленькой?

– А я вот крепких напитков побаиваюсь.

– А я люблю иногда пропустить в хорошей компании! Что смотришь? Думаешь, старая перешница, а всё туда же? И тебе советую, не гнушайся! Это я как врач говорю. Кровь по жилам быстрее бежит. Главное меру знать.

– Не перестаёте Вы меня удивлять Роза Илларионовна!

– Это ты меня лет тридцать-сорок назад не знала! Мы с моим Васей душой всех компаний бывали. А как танцевали!..

Они сели за столик, и хозяйка осторожно разлила тягучую янтарную жидкость по рюмкам.

– За что же выпьем?

– Давай за праздник Великой победы, что ли?

– И за Вас!

Они выпили. Коньяк был хорош. На какое-то время замолчали. Елена смотрела на черно-белые фотографии, развешенные по стенам квартиры.

– А расскажите о себе Роза Илларионовна. Покажите где ваш супруг Василий.

Они долго разговаривали. Затем выпили ещё по рюмке.

Со своим мужем Василием Роза Илларионовна познакомилась в её медсанчасти, в конце войны. Молодой капитан попал туда с ранением средней тяжести. С этого всё и началось. Потом уже не расставались.

Интонации, с которыми Роза Илларионовна упоминала в разговоре своего Васю, каждый раз вызывали у Леночки чувство непонятной светлой зависти к какой-то неизвестной ей доселе субстанции, о существовании которой в тот момент можно было догадаться, только видя, устремлённый в себя, застывший на какое-то мгновение, взгляд этой пожилой женщины.

– После войны тяжело жили, бедно. Нынешней молодёжи и представить такое сложно. Жить хорошо не плохо, но плохо забывать, чем это всё досталось! Смотрю нынче телевизор и говорунам некоторым поражаюсь! О чём бы ни заговорили, всё-то у них на деньги переводится; кого сердить не стоит, на чью сторону встать, и сколько всё это будет стоить. В наше время таких вопросов не было! Погляжу я на этих

умников, когда к их женщине на улице хулиганы пристанут! Посмотрим, какие они калькуляции вычислять начнут! Да и не заступятся они за своих ...

Она помолчала.

– В войну все друг другу помогали. А сейчас слышу речи от некоторых, мол, что нам дала страна? Тьфу! Слышать противно. Им-то страна дала их самих. Обучила, вырастила, да от кривых дорожек отвела! А вот что они стране дали, кроме вечного нытья?

Подошло и девятое мая. Накануне Леночка встретила Розу Илларионовну в сквере. Поздравила с наступающим праздником и пригласила к себе на очередное чаепитие. Та отказалась, сославшись на занятость.

Позвонил Валера. Леночка опять не захотела встречаться. На фоне сумасшедшей весенней круговерти, образ Валеры как-то растворился и упал незаметной тенью в глубины её сознания. Что-то сдвинулось в ней. Она заметила, что стала чаще улыбаться сама себе без видимых причин. Заглядывала в зеркало. Нравилась себе.

С утра девятого Лена включила канал, где транслировали праздничный парад и затеяла уборку в квартире. Привлеченная посторонним шумом, доносящимся из коридора, она открыла входную дверь. Лестничная клетка была заполнена галдящими школьниками с цветами, окружившими Розу Илларионовну.

– Вот – словно извиняясь, проговорила та, увидев выгля-

нувшую на площадку Леночку – поздравлять пришли!

Соседка была в парадном кителе подполковника медицинской службы, который был сплошь увешан орденами и медалями. Награды сверкали в лучах майского солнца, которое, врываясь через окно, заливало лестничный марш. Леночка застыла на месте, пораженная увиденным.

А рядом с Розой Илларионовной, широко улыбаясь, стоял давно исчезнувший “негодяй” Ромка.

29.04.15.

Уроки плавания

Рассказ

Когда подошел к концу мой пятый десяток, я заскучал от своей прелестной и мудрой жизни. Слишком долго ничего не происходило. Запас испытаний и стрессов, посылаемых мне судьбой, по моим прикидкам иссяк, и я вдруг испугался, что ничего интересного со мной больше не случится, что этот гладкий, удобный для неспешного передвижения рельеф моей жизни уже не изменится и позволит мне без приключений, монотонно катиться к старости. Этот, много раз проклятый мною в сердцах, “гигантский, постперестроечный слалом” закончился, и мне стало скучно.

Все перипетии по завоеванию места под солнцем в славном городе Москве благополучно закончились, а новых не предвиделось. Дом был построен, дерево посажено, а сын и дочь уже выросли. Супруга, моя ровесница, к этому време-

ни как-то внезапно располнела и, в отличие от меня, потеряла интерес к интимной стороне нашей жизни, стала ближе к внучке, в остальном оставаясь самым близким мне человеком и доброй женой. Безусловно, к ней пришло смутное осознание того, что баланс в нашем семейном союзе отчего-то нарушился.

Она старалась всячески указать мне на мои возрастные изменения, пытаясь психологически уравнивать наши позиции, осадить меня. Особенно когда я купил себе мотоцикл. Ей казалось, что я веду себя не серьёзно, “по-пацански”. Эти скрытые попытки выглядели нелепо и беспомощно, и она в душе понимала это, стараясь не устраивать сцен. У меня не было намерений хоть как-то обидеть её или ущемить, но чувство вины всё равно поселилось где-то в закоулках моего сознания. Мне было жаль её, но в ежегодный двухнедельный зимний отпуск я стал уезжать один, с её молчаливого согласия.

Что-то томилось во мне, какое-то блюдо побулькивало во внутреннем тигле, разогреваемом огнём неясных желаний и ожиданий чего-то. Чего я хотел и чего ждал? Этого я не смог бы внятно сформулировать. С равным успехом это могло быть что-то новое и неожиданное; новая необычная работа, новая влюблённость. Я даже был бы не прочь усыновить ребёнка. Мне по-прежнему хотелось испытывать всё то, что осталось в молодости, войти в ту же воду.

Пара моих любовниц, которые числились в этом статусе

на тот момент, мне тоже стали надоедать. А может быть это мой “главный орган” стал терять неутомимость? Одно время, когда с подругами в постели у меня стали происходить осечки, я так было и подумал. Мой “дружок” стал каким-то не очень бодрым. Несколько раз я даже пробовал принимать виагру.

Невесёлые философские мысли стали посещать меня. Человек глуп и материален, и если отбросить всю метафизику, то его тело и его органы имеют свой конечный ресурс. Не смотря на то, что я давно относился с иронией почти ко всему в жизни – в том числе и к себе – увидев край этого ресурса, я забеспокоился.

Я, было, даже загрустил, но, слава богу, всё скоро разъяснилось; я уже два года принимал статины (таблетки против холестерина), которые угнетающе действовали на эту, насущную для мужчины, функцию. После ознакомления с этой “ужасной” информацией, я тут же бросил принимать эти зло-вредные пилюли, как отбрасывают от себя что-то омерзительное, вроде дохлой мыши. Вот вам и маленький кусочек внутреннего мира мужчины; он скорее предпочтёт сократить годы своего пребывания на поверхности земли, чем расстанется со своей “функцией”!

В самом начале отношений с женщинами, я всегда честно предупреждаю, что женат, и ни на что кроме постели не гожусь. А ведь женщинам непременно хочется замуж! Обе моих подружки периодически делали попытки обрести этот

статус, но каждый раз разочарованно возвращались ко мне. Я их понимал и принимал обратно. Женщина всегда чья-то: если о ней никто не заботится, будь то отец, брат, муж, любовник или сутенёр на худой конец, она превращается в замкнутое, рефлекслирующее чудовище или в ломовую лошадь!

И хотя внутри себя я не чувствовал изменений, я стал немного стесняться и скрывать свой возраст, поняв, что далеко не каждая свободная молодая женская особь считает нормальным общение с мужчиной который старше её на двадцать лет; начал подкрашивать волосы, пытаюсь скрыть обильную седину. Сбросить вес при моей любви к кулинарии удавалось с трудом, но я стремился! Я ещё всего хотел и, мне казалось, многое мог.

Я стал крутить головой по сторонам ещё интенсивнее, чем раньше. Моё обострённое эстетическое чувство заставляло меня обращать внимание только на молодых и симпатичных мне представительниц женского пола. При виде привлекательной девушки я непроизвольно втягивал живот. С этим я ничего не мог поделать! Мужу, которому полагалось думать о семейных ценностях и справедливости по отношению к своим ровесницам – и эти ценности он в какой-то мере действительно разделял – думалось совсем о другом... Но всякий умный мужчина должен задуматься над простым вопросом и по возможности ответить на него самому себе честно: хватит ли его ресурсов на кардинально-новую жизнь “после

пятидесяти”? Их может и не хватить. Но не всякий может всё правильно оценить и остановиться вовремя.

А в этом январе я целыми днями сладко и увлеченно бездельничал на Северном Гоа. Распорядок моей жизни был почти неизменным изо дня в день: проснувшись, я недолго гулял по берегу, наслаждаясь утренней прохладой, поглядывая на одиноких в этот час бегунов и медитирующих личностей, затем шел завтракать. Wi – Fi в кафе был бесплатным, и мой завтрак обычно затягивался до одиннадцати часов. Затем я опять шел на берег, и валялся там до четырёх часов, слушая музыку или читая книгу. Довольно быстро я приобрёл загар, которому стали завидовать мои знакомые. Вечера обычно проходили в различных злчных заведениях, где мы с приятелями, покуривая травку и попивая прохладные слабоалкогольные напитки, проводили время в приятном, не обязывающем общении. Часто я просто выходил на берег провожать уходящее в океан солнце.

На Гоа бывают множество людей, но не все хотят вернуться туда вновь. Многие, приехавшие сюда впервые, в первую очередь замечают грязь и мусор на узких улицах. Их раздражает отсутствие привычных удобств и гуляющие везде коровы. Дурные запахи. В Гоа или влюбляются навсегда или забывают об этом месте. Как мне кажется, это место подходит только людям определённого душевного склада. Но главное здесь – это атмосфера спокойствия и отсутствия агрессии, которая позволяет тебе расслабиться. Даже собаки здесь ка-

жутся не злыми. Здесь что-то забывается, на что-то начинаешь смотреть по-другому. Здесь хочется остаться навсегда. Мне довелось побывать в нескольких странах юго-восточной Азии. Взять, к примеру, Тайланд. Я бывал там не раз. Хорошие дороги, чудесные храмы и природа, торговые центры. Развитая индустрия туризма. Всё для гостей. Всё на показ. Почти всё подогнано под среднестатистического туриста. Он стал заказчиком, зрителем и потребителем. Он уже повлиял на всё.

А здесь я просто жил. Я общался с такими же как я. Существовал в том ритме, который меня устраивает. И этот процесс меня, привыкшего к действительности огромного мегаполиса, просто завораживал. Здесь месяц казался днём. Мне нравилось засыпать и просыпаться под мерный шум океана. Глядя на малиновый закат, я забывал о своём “трудном хлебе”. Каждый закат был словно новая притча, которая читается только один раз...

Для меня это место навсегда останется “местом, где разглаживаются морщины”.

На этом чудесном берегу все показатели моего организма приходили в норму. Моему пульсу и давлению могли бы позавидовать молодые космонавты. Мне здесь нравилось настолько, что я всерьёз начал задумываться о том, чтобы перебраться в тёплые края навсегда. Прокручивал в голове разные схемы со сдачей в аренду московской квартиры и т.д. Придумывал способы, которыми можно было заработать на

жизнь, имея удалённый доступ в интернет.

Но помечтав немного, я понял, что не стоит себя обманывать – слишком глубокие корни пока держат меня в Москве. А здесь мне просто было очень хорошо!

В один из вечеров я ехал на своём скутере по главной улице Арамболя, сейчас уже и не вспомню куда. Моё внимание привлекли двое полицейских разговаривающих с молодой черноволосой женщиной. Медленно проезжая мимо, я успел уловить тон их разговора – они разговаривали о чём-то серьёзном. Затем прозвучало русское слово. Я остановился неподалёку и прислушался. Они предлагали ей проехать с ними в участок. Она плохо знала английский и ничего не понимала. Обстановка постепенно накалялась.

Бросать в затруднительной ситуации земляков за границей не в моих правилах, и я подошел.

– Привет! Что случилось? – вначале я обратился к ней.

– Чего-то они от меня хотят. Как я понимаю, они увидели у меня в руке джойнт.

Я, на своём ломаном, но вполне понятном для них английском, смог объясниться с полицейскими. Они хотели, чтобы она проехала с ними в участок для досмотра. Пятьдесят долларов бывшие у меня с собой уладили этот вопрос.

– Меня зовут Игорь. Садись, подвезу.

– А я Татьяна. Спасибо тебе. Я не далеко от Тату обитаю. Знаешь где это?

Так мы познакомились. Она мне сразу понравилась. На

вид ей было лет тридцать или тридцать пять. Спокойная улыбка постоянно блуждала по её губам. Когда она села сзади, обняв меня руками, и положила голову мне на спину, внутри меня всё радостно запело, и мне показалось, что это было то, о чём я скучал последние годы. Далёкие звуки набатных барабанов тихо зазвучали в моей груди.

Я довез её до условленного места, и мы договорились встретиться вечером на берегу.

Вечер прошёл чудесно. Мы ели что-то вкусное и болтали на разные темы, полулёжа на мягких подушках в прибрежном ресторанчике. Она рассказала мне о своей жизни и о семье. Рассказала и о том, что в Дели один человек составил гороскоп с предсказанием её судьбы, который чудесным образом полностью, до мельчайших подробностей, сбывается. По этому предсказанию ей ещё предстояло родить дочь, и она в это верила. В наличие божественных сил Татьяна совершенно определённо не сомневалась. При всей мягкости её манер, в ней чувствовался умный и сильный человек, с которым следовало, по крайней мере, быть искренним в общении. Я вдруг попытался представить себя участником её гороскопа.

Мне показалось, что Татьяне было хорошо со мной. Это придало мне смелости, и я попытался пригласить её к себе в номер. Она искренне удивилась – не оскорбилась и не возмутилась, а именно удивилась, чем необычайно смутила меня. Мы обменялись телефонами и договорились встретиться-

ся завтра. Засыпая в одиночестве, я думал только о ней. В голове моей сами собой складывались поэтические строки. Такое со мной раньше случалось только в состоянии влюблённости.

На завтра мы уехали на дикий пляж, где между заходами в воду покуривали травку, валялись и загорали на белом песке до самого вечера. Общение с Татьяной всё больше захватывало меня. Нам было хорошо вместе.

Вечером, по дороге назад, мы перекусили в придорожной харчевне, и выпили пива. Дорога прихотливо извивалась, проходя через местные деревушки, которые в этот предзакатный час выглядели очень живописно. Мы двигались в пёстрой тени могучих деревьев, и тёплый ветер гулял в наших волосах. Я уже стал забывать те времена, когда мне бывало также хорошо.

На следующий день она позвонила мне сама, и мы условились встретиться вечером на пляже.

Я увидел её танцующей на закате под ритмичные звуки производимые группой барабанщиков среди таких же, как она стройных и загорелых людей, совершающих энергичные движения. Вокруг танцующих на пляже плотным кольцом толпились зрители. Для прибывших на Гоа впервые, всё это выглядело диковато и экзотично. Многие снимали действие на видео.

Прикрыв глаза, она совершала ритмичные движения в такт звучащему хору тамбуринов. Её смоляные кудри ме-

тались из стороны в сторону, усиливая общее впечатление. Извивающееся в танце, стройное тело Татьяны излучало какую-то неудержимую силу; такое ощущение возникает, когда стоишь рядом с молодой породистой, ещё не объезженной вороной лошадью.

Публика завелась, и многие непроизвольно подтанцовывали. Я несколько минут зачарованно глядел на эту молодую, прекрасную женщину. От волнения моё сердце забилось чаще. В ней было всё то, чего мне так не хватало, о чём я думал все последние годы.

Но в тот же момент до меня дошло, что завоевать и увести с собой эту женщину мне будет нелегко, а удержать против её желания будет невозможно. Для этого нужно стать таким же молодым и сильным, с лоснящейся от потной испарины шкурой, существом, за которым она пойдёт сама... Ей нужно было подарить будущее, а значит посвятить всю мою оставшуюся жизнь, отбросив, перечеркнув всё то, что было до этого момента – по-другому с таким человеком не получится! Забыть про дом и посаженное дерево, и начать всё с начала...

Почему-то вспомнился давно прочитанный мною рассказ про существовавший в некоем городе магазин желаний, в котором можно было приобрести всё: успех в бизнесе, власть, деньги и даже счастье – счастье было самым дорогим товаром! Но за всё необходимо было заплатить. Цены были разные.

Например, любимая работа стоила отказа от стабильности и предсказуемости (возможно даже материального благополучия), готовности самостоятельно планировать и структурировать свою жизнь, веры в собственные силы и разрешения себе работать там, где нравится, а не там где надо.

Власть стоила чуть больше. Надо было отказаться от некоторых своих убеждений, научиться находить всему разумное объяснение, уметь отказывать другим, знать себе настоящую цену, научить себя говорить «Я», заявлять о себе, игнорируя одобрение или неодобрение окружающих.

Некоторые цены казались странными. Замужество можно было получить практически даром, а вот счастливая жизнь стоила дорого – персональная ответственность за собственное счастье, умение получать удовольствие от жизни, знание своих желаний, отказ от стремления соответствовать стандартам окружающего общества, небольшое чувство вины, умение ценить то, что есть. А на двери того магазина висело объявление: «Если твое желание не исполняется, значит, оно еще не оплачено».

А готов ли был я заплатить свою цену за исполнение моего желания?

Танцевальное действие продолжалось, а я отошел в сторону и присел на песок. Край малинового диска ещё висел над океаном, и на этом полотне заката каждый мог прочитать всю правду о себе. Та вода, по которой я так скучал, утекла далеко – далеко, и никто и никогда не сможет помочь мне

войти в неё ещё раз. Мне нужно было учиться плыть в той, которая текла передо мною.

Солнце уже село, но я знал, что завтра оно обязательно взойдёт, и его закат будет таким же завораживающе красивым. До отъезда в Москву оставалось два дня.

15.08.13.

Белый лист

короткая повесть

Глава 1

Охотников зарезать пастуха вызвалось сразу несколько человек. Они долго возились с ним, прижимая коленями, лежащее на земле, худое тело. Стрелять было нельзя. Семёнов краем глаза видел, как ещё долго подёргивались ноги убитого. Стояла почти полная луна.

Через нашего таджика-переводчика капитан Ермаков долго допрашивал пожилого пастуха, которого к нему притащили разведчики. Этот тщедушный местный житель был напуган и простодушно рассказывал всё, о чем его спрашивали. Когда ему в лицо светили фонариком, были видны его небритые щеки и острый, заросший многодневной щетиной кадык. Оставлять его было нельзя. Все понимали это и старались не смотреть пленному в глаза. Но то, что из разведгруппы убрать его вызовутся сразу трое, все-таки неприятно удивило старшего лейтенанта Алексея Семёнова.

Он воевал севернее Кабула уже третий год из девяти с

начала военных действий и успел заметить, что отношения с местными усложнились. Да и наши стали всё воспринимать по-другому. Ожесточились. Теперь шла подготовка к какой-то новой войсковой операции, и этот рейд возглавлял лично командир полковой разведки Ермаков.

В расположение своей части они вернулись только под вечер следующего дня. Семенов принял душ и завалился на свою кровать. На душе было непривычно муторно. Ужасно хотелось выпить. Гашишем он не баловался, хотя иногда и задумывался об этом, глядя на других офицеров. Его не покидало чувство внутреннего напряжения. Сон не шел.

Обычно, кадровые офицеры отбывали в Афгане два года. Он же, как не женатый, сам подписался на “второй срок”. Воевать ему нравилось. Об остальном он старался не думать. За время службы здесь, дома он успел побывать два раза.

Второй раз ехать пришлось на похороны отца.

Отец лежал в гробу в привычно застёгнутой на все пуговицы, белой сорочке. Он, чисто выбритый, без обычной папиросины зажатой в тонких губах, в окружении старух в чёрных платках, выглядел как-то по-другому. Мать обняла Алексея, глянув сухими, заплаканными глазами. Вспомнились деревенские поминки. Заскорузлые руки и обветренные лица односельчан сидевших за поминальным столом.

Семёнов лежал на койке, уставясь в потолок палатки, и перебирал в памяти события последней поездки домой. Потом невольно вспомнилось детство. Река и лес за околицей. Шко-

ла. Как мать с отцом гордились, когда он поступил в военное училище. Припомнились его приезды на побывку. Как, словно ненароком, по очереди заглядывали в их дом соседи, почему-то стараясь говорить шепотом. Вспомнилось непривычное после казармы, приятное отпускное валяние на пуховых материных подушках. Глазунья с салом. И только сейчас защемило: как же они его любили...

... Отец, высокий и сухой, крепко держал его за руку. Они шли по скошенному лугу, и Алексей снизу вверх смотрел на него. Полуденное солнце било в глаза, он щурился. Стерня покалывала босые ступни. Он был охвачен безотчётной радостью, предвкушением чего-то чудесного. Во сне он отчётливо видел профиль отца; зажатую во рту, дымящуюся папиросу и поросший короткими, черными волосами острый его кадык ...

Он очнулся утром и ощутил, как под ним от пота намокла подушка и простыня. Привел себя в порядок. Выбрился. Надевая портупею, Семёнов зачем-то достал из потёртой кобуры табельный пистолет и разобрал его. Затем собрал, неожиданно ощутив непривычно-весомую тяжесть злого, воронённого металла, словно впервые взял его в руки. Ещё раз, поглядев в зеркало, укреплённое на стене рядом с кроватью, вышел из палатки в уже жаркое утро.

Глава

Уволившись в запас, Семёнов поехал на родину, к матери, которая после смерти отца как-то съёжилась, словно

вдруг стала меньше ростом. Он пытался разговорить её, как-то отогреть в общении. Хлопотал вокруг неё. С собой он привёз ей гостинцы; в том числе и цветастый иранский платок, купленный им на базаре в Герате. Мать же, хоть и горячо благодарила его за подарки и платок, не надев, спрятала его в шкаф. Позже они вместе сходили на кладбище на могилу отца. Убрались, хоть там и было опрятно. Потом долго сидели, вспоминая моменты прежней, теперь уже, жизни. На фото, вделанном в металлический обелиск со звездой, отец был немного моложе.

Несколько дней Алексей валялся дома на диване перед телевизором, изредка выходя прогуляться на улицу. Бродил по знакомым с детства местам и ждал, что воспоминания разбудят в его душе что-то недавно уснувшее и радостное. Пару раз встречался с бывшими одноклассниками, осевшими в родном селе. Пили водку, балагурили, вспоминая прошлую жизнь. Но что-то не срасталось. Действительность словно усохла до, не радующих глаз, серых некрашенных сельских заборов и, показавшегося ему совсем маленьким, школьного двора.

Ближайшая лесопилка закрылась. Совхоз совсем захирел. Мужики, кто мог, подались на заработки в другие места. Оставшиеся в селе попивали втихую. Алексей пытался разобраться в происходящем, но, как ни старался, не мог представить себя в этой, ещё совсем недавно казавшейся естественной, сельской жизни. Пора было двигаться дальше.

В Москву он решил ехать после того, как созвонился с другом – товарищем по учёбе в училище. Серёга Тарутин был единственным москвичом в их роте. Он, почти сразу после начала службы, поняв, что военная служба не его стезя, под каким-то поводом ушел из армии и подался в коммерцию. Наступали другие времена, и погоны пехотного лейтенанта уже мало что значили. В восемьдесят восьмом Сергей успел организовать кооператив, занимавшийся торговлей поддержанной оргтехникой. Бывал в Германии и Голландии.

Сергей, как и он, был ещё не женат. Высокий и чернявый, он обладал тем свойством, которому нельзя было научиться или имитировать: он умел искренне радоваться жизни. Алексей всегда втайне завидовал этому его качеству и в своё время успел многое перенять.

Вечером они крепко посидели у Сергея в его “однушке”, в Отрадном. Отдельно вспоминали самоволки и походы на танцы в различные клубы на рабочих окраинах города, которые частенько заканчивались потасовками с местными парнями. Женщины всегда любили Сергея. Особенно женщины среднего возраста.

– Почему из армии-то ушел, Лёш? Что-то на тебя это не похоже.

– Да так... Надоел бардак. Ему не хотелось распространяться на эту тему. Даже себе самому он не всё мог объяснить. – Хотя ты прав: со всеми вместе, по течению плыть

всегда легче. Думать не нужно.

– В общем-то, правильно сделал. Давай выпьем за наше будущее! Чтобы его обеспечить локтями придётся потолкаться! Время уникальное. Такого больше никогда не будет, брат. Стоит подсуетиться.

– Маленькое “алаверды”! За тебя Серёга выпить хочу. Заразил ты меня, в своё время, чувством юмора и самоиронии. Оно меня всегда выручало. А уж в наше время без него – совсем никуда! Да и твой природный оптимизм тоже заражает!

– Да, брось!

Сергей тыкал вилкой в селёдочный салат, пытаясь подцепить что-то существенное для закуски.

– Непокойно нынче. На Кавказе видишь, что творится ... Что дальше будет?

– Да минует нас чаша сия! Наше дело “сторона”. Пусть воюют военные, профессионалы так сказать, а я автомат в руки больше не возьму и тебе не посоветую. Ты, небось, видел, какие от него дырки в человеках делаются?

– Закрыта тема. Замётано.

Они с удовольствием ещё выпили и занюхали каждый своим.

Приятель коротко, на пальцах, смог разъяснить суть происходящих в стране перемен, и уникальность этого времени для них. Много не укладывалось в голове Алексея.

Сам Сергей мечтал со временем перебраться в Европу или Штаты. На тот момент Семёнов не воспринимал эти его раз-

говоры всерьёз. Они напоминали ему рассказы о загробной жизни, в которую верилось с трудом.

Перед сном, уже хмельные, смотрели курсантские фотографии в старом альбоме Сергея. Молодые лица, недавно познавшие прикосновение бритвенных лезвий, смотрели на них с фотографий.

По настоятельному совету друга Алексей решил пойти на компьютерные курсы.

– Поверь мне, брат – за компьютерами будущее! Ты бы посмотрел, как это дело в Европе продвинуто. Скоро всё к нам хлынет! Я вот на этих железках уже хорошо поднялся. А это только начало! Так что настоятельно рекомендую!

Прожив у приятеля несколько дней, Семёнов снял комнату в районе метро Бибирево. По его подсчётам, его накопленный должно было хватить на год.

Хозяйкой двухкомнатной квартиры, в которой Алексей снял комнату, оказалась пожилая женщина, жившая с детьми. В квартире она появлялась один раз в месяц, чтобы забрать деньги за аренду.

С неделю Семёнов болтался по Москве, узнавая её в новом, неряшливом и страшноватом, постперестроечном обличье. Шатался по нарождающимся рынкам, слушал разговоры людей в метро и на улицах, постепенно осознавая суть времени, которое сейчас затопило необъятное пространство России.

В этом пёстром потоке можно было встретить и привыч-

ных обывателей и

бритоголовых братков, прищуренных кавказцев и увенчанных радужными ирокезами подростков, в обнимку с их пирсингованными подружками, растерянных пенсионеров и активистов различных политических течений, громогласно возвещающих свои партийные истины в общественных местах.

Алексей иногда останавливался и прислушивался к стихийным разговорам, которые возникали часто прямо на улицах. Люди возбужденно обсуждали текущие политические дела. Он не мог рассудить или чем-то помочь им и потому старался внушить себе, что его это не касается. Старался взрастить в себе устойчивость отрешенности от происходящего, отгородиться выдуманной стеной.

Вскоре объявили о выводе советских войск из Афганистана.

Глава 3

Голубоватое блюдце горловины зиндана всегда было первым, что Семёнов видел, открывая глаза по утрам. Оно меняло свой рисунок в зависимости от времени года и времени суток. Если он просыпался ночью, блюдце всегда было чёрным, с блестящими дырочками звёзд. Яма, в которую его садили на ночь, была расположена на ничьей земле, выше по склону. Её вырыли на отшибе за подворьями горного аула. Отгороженная от чужих взглядов небольшими кустами, она была не видна посторонним. Когда шел сильный

дождь, горловину прикрывали. Аул был совсем небольшим: всего несколько дворов. Алексей сидел в этой яме с весны.

Семёнов попал в плен случайно, за компанию с ещё двумя солдатами – срочниками, когда уже должен был возвращаться в Москву после ремонта и наладки спутниковой аппаратуры в одной из воинских частей в Чечне. Он напросился к ним в Урал, чтобы добраться до части, которая была ближе к Гудермесу, планируя оттуда пристроиться к какой-нибудь оказии. При обстреле их небольшой колонны БТР сопровождения сожгли вместе с, бывшими в нём, бойцами.

Бородатые мужчины, перекидываясь между собой гортанными фразами, подняли их, лежащих в кювете, и, подталкивая в спину стволами автоматов, увели от дороги в горы. Молодые солдаты были сильно напуганы и шли, затравленно оглядываясь на боевиков.

Их держали в погребе, недалеко от того места где взяли в плен. Заправлял всем некий Израил. Через несколько дней солдат увезли куда-то дальше. Семёнову же вначале угрожали, предлагая заплатить выкуп. Потом долго били. Сломали несколько ребер. Почти не кормили. К концу первого месяца одежда на Алексее болталась, словно он опять стал девятиклассником. Но больше всего его изводила духота и вонь этого погреба.

За это время здесь побывали ещё несколько пленных, которых впоследствии так же уводили в неизвестном направ-

лении. Он успевал переговорить с этими людьми о том, что происходило там, на воле, в местах, которые были так желанны и недоступны теперь. Скорее всего, его никто не искал.

Ему начинало казаться, что конца этой жестокой бессмысленности не наступит никогда. Семёнов пытался держаться за что-то, невнятно твердующее в его сознании неизвестной субстанцией. Это “нечто” не давало ему скатиться в животное состояние абсолютного страха. Он твёрдо решил никому не звонить. Да, в сущности, и некому было.

Наконец поняв, что за этого гражданского никто не заплатит, в последней попытке устрашения, боевики отрезали Алексею фалангу мизинца на левой руке. Крови было немного.

На третий день после этого его забрал высокий, крепкий старик чеченец. Семёну завязали глаза и, связав руки сзади, усадили на заднее сиденье старого Уазика. Везли его долго, и счёт времени Алексей потерял. Местности он не знал, и потому ориентироваться не мог. Он только понял по натужному звуку работы двигателя, что его везут куда-то в горы. При тряске на ухабах грудная клетка непрерывно вспыхивала острой болью; давали знать о себе сломанные рёбра. Старик всё время молчал.

Глава 4

Через год Алексей закончил компьютерные курсы при Бауманке и даже получил соответствующий диплом. Параллельно, не теряя времени, изучал спутниковую связь и навигацию.

гацию.

За прошедшее время он успел пообтереться в этом огромном городе, постичь алгоритм его жизни. Москва уже не пугала его как раньше бешеным темпом движения машин и людей, безразличием окружающих и ощущением собственной инородности. А через пару лет он уже не мог представить себя живущим в каком-либо другом месте. Алексей без опаски плыл в этом потоке, льющемся с экранов телевизоров и радиоприёмников, бурлящем на площадях и вокзалах. Новая жизнь растекалась полноводной рекой прорвавшейся в их жизнь из каких-то неведомых далей.

Сменил две работы. Появились знакомые и приятели. Деньги были, но без собственного жилья в Москве Семёнов не ощущал устойчивости и потому не расслаблялся, стараясь заработать больше.

Матери Алексей звонил регулярно, с каждым разом беспомощно ощущая, как на какую-то неизмеримо малую, незаметную и неопишущую словами величину её голос становился слабее, словно кто-то, от звонка к звонку, неумолимо поворачивал против часовой стрелки колёсико незримого регулятора. Через год её не стало.

Всё это время они нередко пересекались с Сергеем, который здорово поднялся за это время в своём бизнесе. Частенько брали девчонок, которых у его друга всегда было достаточно, и уезжали на шашлыки, на дачу, доставшуюся тому от родителей.

К своей мечте – переезду в Германию – Тарутин шел полным ходом. Он уже оформил вид на жительство и открыл “там” бизнес. И действительно, через год, устроив шумную отвальную, Сергей улетел. Москва – Гамбург, билет в один конец.

Несколько раз Семёнов побывал в Турции и Египте. “Заграница” только открывалась для наших. Планировал съездить в Европу к Сергею.

Со временем Алексей смог уловить, нащупать тонкую субстанцию сути и перспектив того дела, которым занимался. Теперь он стал осознавать смысл часто повторяемой Сергеем мысли об уникальность времени, которое им досталось, и которое нельзя было упускать. Он часто, словно “мантру”, повторял эту фразу: не зацепишься сейчас – потом будет труднее! Алексей стал подыскивать заказы на стороне. Своё дело требовало клиентской базы. Контракт с фирмой, которая была связана с “воjками”, подвернулся как-то неожиданно.

В стране всё напряженно гудело, словно кто-то неведомый раздувал пламя в метафизической российской топке. Начались военные действия в Чечне.

Глава 5

Через несколько дней Семёнов, всё время ожидавший чего-то худшего, с внутренним недоумением, начал осознавать, что ему повезло. При слове “повезло” он непроизвольно усмехнулся.

В летней кухне ему нагрели воды. Дали вымыться в старом эмалированном корыте и постирать одежду. Даже выдали поношенный, но чистый ватник. Его старый, пропахший псиной армейский бушлат сожгли на задворках.

Заглянул в обломок зеркала укрепленного на стене, Семёнов увидел незнакомое лицо исхудавшего и небритого человека, отдалённо напоминавшее ему самого себя. Позже, старик принёс и молча протянул ему старую опасную бритву и кусок мыла.

В первое время его даже не привязывали, очевидно, понаблюдая, что в таком состоянии он никуда не сбежит. Да и куда? Он всё равно не знал, где находится. Старик, молча, занимался хозяйством. Частенько на их подворье заходили соседи. О чём они говорили с хозяином, Алексей не понимал.

Первые несколько дней он просто ел то, что ему давали, и сидел на старом бревне подле колодца, в центре двора, подставляя лицо набиравшему силу весеннему солнцу.

Огромная мохнатая овчарка слонялась кругами по двору. Старик несколько раз прикрикивал на неё, видимо остерегаясь чего-то с её стороны. Но пёс только ложился в нескольких метрах от Алексея и молча смотрел на него. Пёс был серьёзным. Кромки его обрезанных ушей демонстрировали рваные края – свидетельства многочисленных схваток. Через несколько дней он лёг совсем рядом с Алексеем. Он внимательно смотрел на Семёнова, словно вслушивался в смысл его негромкой речи.

– Привет. Ты тоже меня не любишь?... А зря! Нам нечего делить. Тебе даже лучше чем мне; ты у себя дома. Ну, что молчишь? Жаль брат, что я не знаю, как тебя зовут. А то, смог бы к тебе обращаться более уважительно. Как тебя зовут? Алмаз? Я слышал, как это слово твой хозяин повторил несколько раз. Но, на вашем оно как-то странно звучит. Значит Алмаз. Хорошо. Есть у тебя подруга? Нет? Скучно тебе, брат. Есть наверно, а? Ты ведь пёс серьёзный. Бегают твои детки где-нибудь. У меня вот тоже нет пока никого. И скучно так же как тебе. Ничего, прорвёмся. Бывает и хуже. Только времени жалко. Где-то там люди живут. Живут себе и не знают, что может с ними случиться. Живут и не знают, что есть на свете такая замечательная собака Алмаз...

Каждый раз, слыша звук своего имени, пёс на какое-то время поднимал голову и внимательно всматривался в лицо Алексею.

– Вот такие дела. Но уже лучше. Я ещё, как ты, например, никого загрызть не смогу. Но уже лучше. И лето пришло. Птицы поют. Хорошо здесь у вас. Курорт прямо... Рёбра вот почти зажили.

Через несколько дней пёс подошел и лёг вплотную, прильнув к ноге Алексея. Он поднял голову, заглядывая ему в лицо, будто приглашая к разговору. Заметив это, старик, работавший во дворе, остановился и долго смотрел на них, прикрыв рукою глаза от солнца.

Кормила Семёнова девушка, которой на вид можно было

дать лет шестнадцать – семнадцать. Через пару недель они начали изредка обмениваться односложными репликами.

– Как тебя зовут, красавица? Быстрый, острый взгляд в ответ.

– Мадина. Волосы убраны чёрным традиционным платком, точёные черты, бледная кожа.

– Меня Алексей. Не бойся – кусаться я не умею. – А как твоего отца зовут?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.